

Новая онтология для социальных наук

МАНУЭЛЬ ДЕЛАНДА

Профессор, именная кафедра современной философии и науки Жилия Делёза, отделение философии, искусства и критической мысли, Европейская высшая школа (EGS). Адрес: 20 Alter Kehr, CH-3953 Leuk-Stadt, Switzerland. E-mail: manuel666@verizon.net.

Ключевые слова: индивидуум; индивидуальное сущее; контингентность; плоская онтология; вложенное множество; популяция; восходящая модель.

Статья представляет собой набросок материалистического подхода к онтологии социальных наук. Автор начинает с формулирования задачи философии науки по отношению к социальным наукам: прояснение типов сущего, характерных для этих наук, с продуктивным использованием наработок других дисциплин, одновременно избегающим редукционизма. Далее он переходит к отсеву тех типов сущего, которые точно не подходят: это любые виды трансцендентных сущностей. На примере разработок эволюционной теории, популяционной генетики и физики конденсированного состояния он показывает метаморфозы понятий вида и индивидуума. Так, биологический вид обрел траекторию исторической индивидуации и потерял сущность как единое объединяющее ядро, представ в виде контингентной и исторически конкретной популяции.

Чтобы избавиться от старых коннотаций понятия «индивидуум»,

автор вводит термин «индивидуальное сущее» (*individual entity*). Анти-эссенциализм, специфическая теория части и целого, принцип исторической индивидуации — таковы составляющие будущей новой социальной онтологии, которая будет плоской онтологией. Отдельные сущие в ней различаются пространственно-временным масштабом, но не онтологическим статусом. Иерархия (микро/макро, действие и структура, жизненный мир и социальная система) заменяется вложенными множествами индивидуальных сущих, автор поясняет это на примере образования городов. Такая онтология будет основана на восходящем принципе: она тематизирует популяции гетерогенных сущих различных нижних уровней, а не целостности, как в нисходящей модели. Единство онтологического плана позволяет проследивать взаимодействие различных исторических ритмов, что переключается с проблематизацией понятия эпохи и периодизации.

ДНИМ из самых важных вкладов, которые философия науки может сделать в социологию, экономику и антропологию, является прояснение типов сущего, которые постулируются в их теориях в качестве существующих. Иными словами, философы могут помочь прояснить онтологические основания каждой отдельной теории общества. Кроме того, принимая во внимание, что философия науки должна также иметь дело с мирами физики и биологии, она может привнести в анализ социальной онтологии средства, выработанные в других областях знания. Конечно, это может оказаться палкой о двух концах ввиду опасности редукционизма, присущей любому переносу понятий из одной области знания в другую. Однако подобную опасность можно минимизировать, с самого начала блокируя возможные редукционистские аргументы, которые сделали бы заимствования из физики и биологии неприемлемыми для социальных исследователей. Ключевая идея этой блокирующей стратегии заключается в выстраивании онтологии вокруг эмерджентного свойства как базового понятия, то есть свойства целого, которое больше своих частей и поэтому к ним несводимо. Как только становится ясно, что химические свойства не могут быть редуцированы к лежащим в их основе физическим процессам, а биологические свойства — к химии, оказывается легко преодолеть соблазн свести психологические, социальные или экономические свойства к биологическим.

Теперь позвольте мне описать теоретические ресурсы, которые я буду использовать. Первым делом следует исключить определенные типы сущего в качестве кандидатов для серьезной материалистической онтологии. Неприемлемы прежде всего трансцендентные сущности, вечные архетипы, существующие в бестелесной форме на платоновском небе. Этот шаг, я уверен, не вызовет существенных возражений — в последние десятилетия во многих интеллектуальных кругах преобладал сильный антиэссенциалистский дух. Но вдобавок к сущностям есть и другие тесно свя-

Перевод с английского *Михаила Потапова* и *Станислава Гавриленко* по тексту доклада для *Institute for Advanced Study (Princeton, NJ)*, прочитанного в 2000 году. Публикуется с любезного разрешения автора.

занные с ними типы существования, которые должны быть включены в качестве потенциальных кандидатов, например общие категории, или, как говорят философы, «абстрактные классы». Говорить, что в материалистической онтологии нет места общим абстракциям, вовсе не значит отрицать легитимность обобщений в частных науках. Речь идет, скорее, о противостоянии реификации общих категорий, наделяющей их актуальным существованием, в отличие от рассмотрения их в качестве просто удобных концептуальных инструментов, играющих легитимную роль в практиках классификации. Разрешите мне привести конкретный пример того, что заменяет сущности и абстрактные классы в предлагаемой мною онтологии.

В течение столетий биологический вид выступал одним из главных примеров общей категории. Независимо от того, мыслились ли эти категории как определяемые трансцендентной сущностью (как у Платона) или имманентным «естественным состоянием» (как у Аристотеля), животные и растительные виды представляли образец того, чем, как предполагалось, является абстрактная общая категория¹. Конечно, Чарльз Дарвин разорвал с этой традицией, показав, что биологические виды — далеко не вечные архетипы: они появляются и вымирают в течение определенных исторических эпох. В XX веке этот разрыв с традиционным взглядом стал даже еще более выраженным, когда некоторые биологи поняли, что биологические виды могут рассматриваться как индивидуумы (*individuals*), а не классы².

И хотя термин «индивидуум» относится, как правило, к отдельному организму, его применение к видам не является метафорой. В онтологическом смысле этот термин применяется к любому существу, являющемуся результатом процесса исторической индивидуации. В случае видов индивидуация состоит в двойном процессе естественного отбора и репродуктивной изоляции: виды накапливают анатомические и поведенческие признаки, конституирующие их идентичность как части контингентного исторического процесса, в котором половые партнеры, хищники, паразиты, климат и географические условия — все играют свою роль. Более того, новый вид возникает тогда, когда часть старого вида оказывается неспособной скрещиваться с остальной его частью, тем са-

1. Ghiselin M. T. *Metaphysics and the Origin of Species*. Albany: State University of New York Press, 1997. P. 78.
2. Hull D. L. *Science as a Process*. Chicago: University of Chicago Press, 1988. Ch. 4.

мым гарантируя устойчивость накопленных признаков и их стабильность перед лицом генетических потоков извне. Генетическое замыкание, вызванное репродуктивной изоляцией, так же контингентно, как и множество факторов, оказывающих селекционное давление: все, что проламывает брешь в генетических, механических и географических барьерах, поддерживающих эту изоляцию, будет подрывать устойчивость генетической идентичности вида. Однако, несмотря на то что термин «индивидуум» может быть корректно применен к виду, он все еще несет множество коннотаций, которые должны быть исключены. Помимо ассоциации с отдельными особями, этот термин отсылает к индивидуальности и личности в связи с проблемами сознания, свободы воли и т. п. Поэтому для придания ясности, наверное, следовало бы говорить об «индивидуальных сущих» (*individual entities*), а не «индивидуумах» (*individual*), тем самым используя термин не как существительное, а как онтологический определитель³.

Контингентное историческое происхождение признаков, определяющих тождественность вида, а также контингентность поддерживающих ее барьеров отличают концепцию Дарвина от взглядов Платона и Аристотеля. Просто не существует никакого базового набора признаков (никакой сущности), которыми должны обладать все организмы, образующие данный биологический вид. Некоторые философы полагали, что ДНК может конституировать подобную сущность, но этот аргумент не принимает во внимание принципиально статистический характер распределения генов в репродуктивном сообществе. Не существует набора генов, который должен иметь включенный в данное сообщество организм. Хотя, безусловно, есть много общих генов и частичные пересечения их множеств. Степень гомогенности генофонда биологического вида — контингентный исторический факт, говорящий о единообразии селекционного давления, результатом которого является данный генофонд.

Помимо приведенного выше физического аргумента, отрицающего наличие общей сущности у организмов, принадлежащих к одному виду, имеются и логические аргументы против той точки зрения, в соответствии с которой они образуют абстрактный тип или категорию. В отличие от отношения между общей категорией и ее членами (отношения экземплификации), отношение между индивидуальным видом и индивидуальным организмом

3. В английском языке слово *individual* может быть как существительным, так и прилагательным. — *Прим. пер.*

является отношением целого к своим частям, во многом сходным с отношением отдельного организма к образующим его индивидуальным клеткам. Более того, в отличие от отношения между конкретным примером и общими типами, отношение частей к целому каузально: целое возникает из причинных взаимодействий составляющих его частей⁴. Хотя получаемое целое обладает тем же онтологическим статусом, что и его части (то есть также является индивидуальным сущим), целое, как правило, будет действовать на больших масштабах, чем его части. В пространственном отношении вид имеет значительно большую протяженность, чем отдельный организм, поскольку обычно образован несколькими репродуктивными сообществами, обитающими в географически разделенных экосистемах. Во временном отношении вид также действует на значительно больших масштабах: обычная продолжительность его существования намного превосходит жизненные циклы отдельных организмов. Но тот факт, что вид конструируется посредством исторического процесса, предполагает, что он всего лишь еще одно индивидуальное сущее, просто действующее на большем пространственно-временном масштабе, чем отдельные организмы.

Необходимо подчеркнуть одно философское следствие, вытекающее из этой новой концепции вида: если онтология, выстраиваемая на основе отношений между общим типами и частными случаями, является иерархичной (каждый уровень представляет отдельную онтологическую категорию: организм, вид, род), то подход в терминах взаимодействующих частей и эмерджентного целого приводит к плоской онтологии, образованной уникальными, сингулярными индивидуальными сущими, отличающимися друг от друга своим пространственно-временным масштабом, а не онтологическим статусом. Другое важное философское следствие заключается в следующем: биологам, чтобы прийти к этому новому взгляду на вид, пришлось отказаться от способа мышления, связанного как с типологической, так и с эссенциалистской онтологией, и заменить их новым способом мышления, который стал известен как популяционный подход. Его отличие от типологических и эссенциалистских представлений выражено в известном пассаже из работы Эрнста Майера, одного из создателей современного синтеза эволюционных и генетических идей:

4. *Ghiselin M. T. Op. cit. P. 37–41.*

[Для типолога] существует ограниченный набор постоянных неизменных «идей», лежащих в основании наблюдаемого [в природе] разнообразия. Только эйдос (идея) постоянен и реален. Наблюдаемое же разнообразие обладает не большей реальностью, чем тени объекта на стене пещеры. [В противоположность этому] популяционист подчеркивает уникальность всего существующего в мире природы. <...> Все организмы и органические явления состоят из неповторимых черт и могут быть описаны только в статистических терминах. <...> Предельные выводы типолога и популяциониста строго противоположны друг другу. Для типолога тип (эйдос) реален, а вариативность иллюзорна, тогда как для популяциониста тип (усредненное) является абстракцией и только варьирование реально. Едва ли есть два таких взгляда на природу, которые были бы настолько далеко друг от друга⁵.

Когда биологические виды рассматриваются как общие категории, члены которых обладают общим набором одинаковых свойств, наблюдаемая вариация среди членов классов становится совершенно неважной. С другой стороны, для популяционистов вариация, то есть наследственная изменчивость, является топливом эволюции: без адаптационных различий между организмами естественный отбор был бы не способен привносить какие-либо изменения в популяцию и способствовать появлению новых форм жизни. Иначе говоря, для популяционистов гетерогенность является тем состоянием, спонтанного существования которого следует ожидать при большинстве условий, в то время как гомогенность — весьма маловероятное состояние, которое может реализоваться только при крайне специфических условиях селективного давления, аномально постоянного в пространстве и во времени⁶. Более того, если типолог мыслит происхождение формы в терминах выражения отдельных типов, то для популяциониста формы организмов всегда разворачиваются внутри коллективов по мере того, как селективно благоприятные признаки, имеющие различное происхождение, распространяются в популяции.

Эти идеи эволюционной биологии в действительности уже проложили себе нередукционистский путь в социальные науки. Я имею в виду здесь относительно новое направление в экономи-

5. Цит. по: *Sober E. The Nature of Selection. Cambridge, MA: MIT Press, 1987. P. 156.*

6. *Ibid. P. 159.*

ке, известное под названием «эволюционная экономика», в рамках которого коммерческие фирмы рассматриваются как части популяции институтов, способные к собственной репликации всякий раз, когда открывается новое подразделение и неформальные практики вкупе с формальными процедурами, определяющими повседневную деятельность фирмы, «наследуются» ее вновь созданным подразделением. Однако в этой статье мне хотелось бы использовать другой подход, заимствуя из биологии только те идеи, которые имеют глубокие онтологические следствия и поэтому не характеризуют исключительно эволюционное мышление. Прежде чем непосредственно перейти к главной теме этой статьи — социальной онтологии — и чтобы проиллюстрировать, что я имею в виду, я приведу еще один пример из области точных наук. Пример взят из физики конденсированного состояния⁷. Хотя философы-традиционалисты и могут допускать, что члены биологического вида не имеют общей сущности или общего набора одинаковых свойств, они могут утверждать, что в случае других абстрактных категорий это не так. В частности, химические элементы, такие как золото или углерод, как представляется, действительно соответствуют эссенциалистской или типологической модели. В конце концов, все образцы золота должны иметь определенные атомные свойства (например, характерное атомное число), которые, что вполне правдоподобно, конституируют сущность золота.

Есть несколько способов обойти такое заключение. Прежде всего, все атомы, а не только атомы золота должны быть индивидуированы в ходе происходящих внутри звезд процессов, именуемых «звездным нуклеосинтезом». Это полностью исторические процессы, они могут быть использованы для определения того, что есть золото, вместо указания на, скажем, его атомное число⁸. Но более веским доводом против эссенциализма было бы отрицание того, что данный образец золота, достаточно большой, чтобы держать его в руке, может быть рассмотрен как простая сумма его атомов, то есть как сводимый к атомным свойствам. В частности, как между отдельными клетками и образованным ими индивидуальным организмом имеются промежуточные структуры, соединяющие два уровня (ткани, органы, системы органов), точно так же между отдельными атомами золота и цельным слитком существуют структуры промежуточных уровней, связывающие микро-

7. Другое название — «физика конденсированных сред». — *Прим. пер.*

8. Fox R. F. Energy and the Evolution of Life. N.Y.: W.H. Freeman, 1988. P. 8.

и макроуровни: отдельные атомы образуют кристаллы, отдельные кристаллы — гранулы, отдельные небольшие гранулы — гранулы больших размеров и т. д. И кристаллы, и гранулы различных размеров индивидуируются благодаря специфическим причинным процессам, а свойства отдельного куска золота порождаются причинными взаимодействиями между этими промежуточными структурами. Золото обладает определенными свойствами, например точкой плавления, которыми по определению не обладают атомы — отдельный атом не плавится. И хотя можно сказать, что отдельные кристаллы золота могут плавиться, в действительности необходима популяция кристаллов минимального критического размера (так называемый микрокластер), чтобы возникла точка плавления, характеризующая образец золота⁹.

Этот пример показывает: несмотря на то что популяционное мышление зародилось в одной конкретной научной области, значимость его онтологических уроков не ограничена местом происхождения. Хотя химические элементы не подчинены эволюционным процессам, для понимания вложенного множества структур, образующих фрагмент вещества, необходимо не только мыслить в терминах коллективностей (то есть популяций кристаллов или гранул), но и учесть решающую роль гетерогенности. Подобно наследственной изменчивости, заключающейся прежде всего в мутациях и ошибках копирования, гранулы различных уровней являются своего рода несовершенствами в совершенной во всем остальном организации кристаллов. Однако в физике конденсированного состояния осознали конструктивную важность подобных несовершенств для обеспечения устойчивости массивного материала. Сходным образом биологи пришли к выводу, что без ошибок в репликации не существовало бы основного источника наследственной изменчивости. Таким образом, несмотря на то что здесь мы имеем дело с двумя совершенно разными областями реальности, уроки популяционного мышления применимы к обеим.

Прежде чем перейти к вопросу о том, как применить эти идеи к человеческим обществам, позвольте мне резюмировать эти уроки популяционного мышления. Во-первых, Вселенная населена исключительно исторически конституированными индивиду-

9. *Smith C. S.* Structure, Substructure, and Superstructure. In *A Search for Structure*. Cambridge, MA: MIT Press, 1982. P. 54. О возникновении свойств материала на разных критических масштабах см.: *Duncan M. A., Rouvray D. H.* Microclusters // *Scientific American*. 1989. Vol. 261. № 6. P. 113.

альными сущими, действующими на различных пространственно-временных уровнях и формирующими вложенное множество, в котором меньшие компоненты вложены в более крупные, образуя их действующие части. Другими словами, эта онтология не содержит вечных сущностей или абстрактных категорий. Во-вторых, хотя с этой точки зрения постулат о существовании целых, превосходящих сумму своих частей, оправдан, для его связности необходим учет исторического происхождения подобных целых в терминах популяции взаимодействующих индивидуальных сущих, образующих части этих целых. Иначе говоря, данная онтология не содержит в себе тотальностей, всеобъемлющих целостностей, чье существование просто постулируется без прояснения их исторического происхождения. Наконец, упор делается на объективные процессы: с одной стороны, на объективные процессы индивидуации, продуктом которых являются индивидуальные сущие с более или менее определенной идентичностью; с другой стороны, на объективные процессы, которые поддерживают эту идентичность в течение времени. Данная онтология не использует социальные конвенции в качестве основного способа избавиться от сущностей, равно как ей не требуется ни один из вариантов субъективизма, чтобы избавиться от реифицированных категорий. Конечно, необходимо отметить, что некритическое использование социальных конвенций и/или субъективных верований и желаний, прежде всего для замещения объективных процессов, может выродиться в разновидность «социального эссенциализма».

Каким образом эти идеи можно применить к социальной онтологии? Как я уже говорил, в плоской онтологии индивидуальных сущих нет места для реифицированных тотальностей, особенно для «общества» или «культуры» вообще. Порой социальные ученые оправдывают разговор об «обществе как целом», возрождая гегелевские тотальности, иной раз — используя в качестве метафоры организм и рассматривая общество как функциональное целое. В каждом из этих случаев они склонны допускать существование систематичности, распространяющейся на все общество. Онтология индивидуальных сущих, напротив, требует каждый раз выяснения, какой конкретный исторический процесс дал начало целому, или, что то же самое, каков источник систематичности. Грубо говоря, при этом подходе возникновение институтов объясняется взаимодействиями индивидов, принимающих решения, появление городских центров — взаимодействиями институтов, образование государств — взаимодействиями городов.

Как только новое целое возникло, оно сразу же начинает воздействовать на компоненты, послужившие ему субстратом, ограничивая их первоначальные взаимодействия или же способствуя возникновению новых.

Приведем несколько простых примеров. Можно сказать, что фондовая биржа Венеции, отдельная институциональная организация, возникла в XV веке из взаимодействий богатых купцов, собиравшихся в определенном месте в городе для обмена «долговыми обязательствами» в их ранних формах. Поначалу правила взаимодействия и членства были довольно неформальными. Но после того как эти правила были формализованы и группа получила официальный устав, появился отдельный институт. Сходным образом можно утверждать, что город Венеция возник из взаимодействий институтов, управлявших деревнями на островах, так как именно благодаря специальным институциональным соглашениям эти деревни объединились и образовали город. Как показывают эти простые примеры, идея состоит в том, чтобы рассматривать институциональные организации и урбанистические центры не в качестве абстрактных тотальностей, но конкретных социальных индивидуумов, обладающих тем же онтологическим статусом, что и отдельные люди (индивиды), а в качестве действующих на большем пространственно-временном масштабе. Подобно человеческим индивидам, институциональные организации и урбанистические центры уникальны, сингулярны и обозначаются именами собственными.

Конечно, приведенные примеры слишком просты. Прежде всего, многие институты возникают не спонтанно, а являются результатом преднамеренных действий других институтов (например, органы государственного регулирования, создаваемые Конгрессом США). Аналогичным образом города могут возникать не столько за счет спонтанных институциональных взаимодействий, сколько по заранее разработанному плану органов управления других городов. Например, рождение Версаля было спланировано до мельчайших подробностей правительством Людовика XIV, и в этом отношении оно совсем не похоже на возникновение Венеции — без всякого централизованного планирования. Очевидно, что детали процессов индивидуации важны и должны рассматриваться в каждом конкретном случае, поскольку процесс возникновения каждого данного социального индивидуума может включать взаимодействия образований разных уровней. Более того, однажды возникнув, социальные индивидуумы впоследствии должны поддерживать свою идентичность, и в этом процес-

се также могут быть задействованы образования разных уровней. Например, целостность национального государства отчасти зависит от городов, образующих его территорию и придающих ей упорядоченность, но также и от непрерывающейся работы институтов, находящихся в этих городах, а в отдельных случаях — от решений и действий отдельных индивидов.

Тем не менее, несмотря на это усложнение, схема вложенного множества индивидуальных сущих (индивиды — институты — города — национальные государства) схватывает суть предлагаемой мною социальной онтологии. Как я уже говорил, единственный смысл, в котором мы можем здесь говорить об уровнях, — это различия в масштабе. То, что институты действуют на большем временном масштабе, чем отдельные индивиды, представляется бесспорным: трудно вообразить себе влиятельный институт, время существования которого меньше человеческой жизни. Подобным же образом город, как правило, переживает институциональные организации, рождающиеся и умирающие в его границах. Чуть более контринтуитивным является утверждение, что эти социальные индивидуумы действуют и в больших пространственных масштабах. У города, разумеется, пространственная протяженность больше, чем у населяющих его институтов. Аналогично, когда институциональные организации обзаводятся собственными зданиями, становится очевидно, что это социальные сущие, которые превосходят по своей протяженности отдельных людей. Но и косвенно все институты обладают большим пространственным масштабом: любая институциональная норма, применяемая ко всему населению, имеют ту же пространственную протяженность, что и население в целом.

Подводя итог, можно сказать, что онтология, просто допускающая существование целостностей, следует нисходящему принципу (от целого, которое принимается в качестве само собой разумеющегося, к конституируемым им частям). Новый же подход является восходящим, то есть рассматривает возникновение и сохранение сущих на любом данном уровне в терминах популяций взаимодействующих сущих, принадлежащих к нижним уровням. Если этническое, лингвистическое и экономическое многообразие, характерное для многих городов или национальных государств, трудно схватить с помощью нисходящих моделей (так как они с самого начала допускают всеобщую систематичность), то восходящие модели могут справиться с любой нужной степенью гетерогенности, просто включая гетерогенные элементы как части в состав популяции на данном уровне. Но даже в тех слу-

чаях, когда установленная в качестве эмпирического факта степень однородности на различных уровнях достаточно высока, чтобы предположить существование единой «культуры» или «общества», следует противостоять соблазну постулировать подобные тотальности: той степени однородности, которая мотивирует этот постулат, необходимо дать конкретное историческое объяснение. Помимо способа, каким рассматриваются единообразие и вариативность, эти два подхода радикально различаются концепциями человеческой истории. Опираясь на нисходящий принцип, нетрудно вообразить общество как целое, развивающееся путем прохождения ряда стадий, таких как феодализм, капитализм и социализм (или же аграрная, индустриальная и информационная эпохи). При восходящем же подходе предполагается, что каждый уровень имеет собственную, протекающую в своем темпе историю, даже если истории различных уровней взаимодействуют. Тем самым вместо единого потока, поделенного на различные эпохи или периоды, мы имеем пучок параллельных историй, каждая из которых характеризуется своими собственными разрывами и непрерывностями.

Такова вкратце предлагаемая мною социальная онтология. Конечно, чтобы стать убедительным, это предложение должно быть детально разработано. Я еще вернусь к вопросу о том, какие ресурсы должны быть задействованы для ее обогащения. Но прежде сравним ее с теми, что преобладают в социологии и экономике. Сразу же необходимо отметить, что речь здесь не идет о детальном анализе и сравнении различных школ социологической и экономической мысли. Так что я заранее приношу свои извинения за то, что говорю об экономике и социологии в целом, на деле упоминая лишь классическую микроэкономику и функционалистскую социологию. Ясно, что сразу же можно привести контрпримеры (макроэкономика и интеракционистская социология — наиболее очевидные из них). Но мой аргумент остался бы неизменным и при более детальном анализе этих дисциплин. (Суть более общего аргумента заключается в том, что все варианты социальных наук предполагают дихотомическое отношение между микро- и макроуровнями, действием и структурой, феноменологическим жизненным миром и социальной системой. Я же предлагаю многомасштабное вложенное множество структурированных агентов.)

Упрощая, можно сказать, что классическая микроэкономика начинает свой анализ с низа общества — с уровня отдельных индивидов, принимающих решения. Однако это не делает ее восхо-

дящим подходом, так как эти индивиды атомизированы, то есть не образуют популяцию взаимодействующих агентов, способную привести к возникновению более крупных целостностей. Предполагается, что индивиды принимают экономические решения, пытаясь максимизировать собственное ожидаемое удовлетворение (предельную полезность) независимо от остальных индивидов. Далее, предполагается, что эти решения принимаются в каждом конкретном случае и ограничены лишь бюджетом, поэтому остается без внимания вопрос о нормах и ценностях, в разных отношениях ограничивающих индивидуальную деятельность. Таким образом, несмотря на то что методологический индивидуализм экономики с точки зрения восходящего подхода верен, ее онтологический атомизм — нет. Ортодоксальная социология, с другой стороны, выбирает в качестве своего исходного пункта общество как целое и в этом смысле может быть охарактеризована как методологический холизм. Очевидно, что он несовместим с восходящим подходом, особенно если не объясняются породившие данную социальную тотальность исторические процессы. Но даже если они и получают объяснение (как в случае гегелевской диалектики), это объяснение выводится из абстрактной теории (синтез противоположностей, «отрицание отрицания»), а не из эмпирического исследования. Важнее то, что в некоторых случаях методологический холизм лишает индивидуальных субъектов собственного онтологического статуса, рассматривая их как конституируемых тотальностью, в которую они вписаны. Хорошим примером является марксистская идея, согласно которой принимающие решения индивиды классической микроэкономики являются продуктом буржуазной идеологии. Рассмотрение частей в качестве конституируемых целым в противоположность рассмотрению целого как возникающего из частей — четкий показатель нисходящей перспективы.

В известном смысле подход, набросок, который я хочу предложить, сохраняет преимущества обеих методологий, одновременно отрицая их проблематичные допущения. С одной стороны, он отвергает онтологический атомизм микроэкономики, сохраняя ее методологический индивидуализм. То есть этот подход начинает анализ с отдельных индивидов, которые рассматриваются как онтологически реальные, а не просто как побочный продукт идеологии или как исполнители формальных ролей. Но он отказывается от идеи, что эти субъекты принимают решения исходя из собственных внутренних оптимизирующих расчетов. Вместо этого индивиды рассматриваются как следующие правилам субъ-

екты, подчиненные различным нормативным и институциональным ограничениям, но также и как принимающие решения субъекты, наделенные ограниченной рациональностью, позволяющей им в определенных пределах преследовать свои собственные интересы. С другой стороны, данный подход отбрасывает и методологический холизм, сохраняя при этом онтологический холизм социологии: хотя общественные институты возникают благодаря взаимодействиям между индивидами, однажды сформировавшись, они начинают жить собственной жизнью. Иными словами, институты — не просто реифицированные сущности. Они обладают реальным социальным бытием и способны ограничивать или поощрять индивидов в принятии решений самыми различными способами. И хотя некоторые направления микроэкономики, институциональная и неоинституциональная школы, действительно разделяют подобный онтологический холизм, а ряд социологов (работающих, например, в области социологии организаций) действительно исследуют образования промежуточных уровней, а не общество в целом, будет справедливым заявить, что лишь немногие из социальных исследователей используют восходящую методологию¹⁰. Более того, городские центры как индивидуальные сущности редко появляются в этих исследованиях в качестве конкретных исторических акторов, несмотря на тот факт, что в отношении образующих их сложных институциональных сред они выполняют ту же ограничивающую и поощряющую роль, что и институциональные организации в отношении отдельных индивидов. Таким образом, онтологический холизм необходимо распространить в направлении городов и далее — вплоть до уровня отдельных национальных государств, заботясь при этом о том, чтобы не наделять особым онтологическим статусом эти более крупные образования.

Это сравнение с существующими в социальных науках подходами указывает направление, следование которому могло бы обогатить восходящую социальную онтологию. В частности, так же как требуется соединение ресурсов социологии и экономики, необходимо сцепление дивергентных дисциплин, сохраняющее

10. См. некоторые примеры работы в этом направлении, соединяющем методологический индивидуализм и онтологический холизм: *Vanberg V.J. Rules and Choice in Economics*. L.: Routledge, 1994. Ch. 1; *Mäki U. Economics With Institutions: Agenda for Methodological Enquiry* // *Rationality, Institutions and Economic Methodology* / U. Mäki et al. (eds). L.: Routledge, 1993; *Knudsen C. Modelling Rationality, Institutions and Processes in Economic Theory* // *Rationality, Institutions and Economic Methodology*.

их озарения и избегающее их слабостей. Например, на базовом, нижнем уровне важно избежать крайних точек зрения социобиологии и социального конструктивизма, при этом используя некоторые из их догадок для моделирования человечества как состоящего и из отдельных биологических организмов, и из отдельных социальных индивидов. Другими словами, мы должны избегать как недосоциализированных субъектов экономики, преследующих только свои биологические интересы, так и сверхсоциализированных субъектов социологии, предстающих совершенно покорными исполнителями правил.

Некоторые положения социобиологии можно сохранить, коль скоро мы будем осторожны в применении к ним популяционно-го мышления. Это предполагает рассмотрение наследственных поведенческих характеристик как статистического, а не детерминистического феномена. Например, мы можем признавать существование наследственных половых поведенческих различий, если они рассматриваются как реализованные в данной популяции в форме двух частично совпадающих распределений вероятностей. Многие из попыток обосновать биологическую детерминированность гендерных ролей связаны с игнорированием статистической природы распределения признаков и превращением усредненных различий в строго разграниченные сущности маскулинности и феминности. Сходным образом можно сохранить утверждение о том, что многие аспекты человеческого поведения социально сконструированы, если мы будем избегать социального детерминизма, проистекающего из идеи о том, что институциональные нормы обеспечивают непосредственное подчинение. Здесь мы тоже должны рассматривать эффекты аккультурации как по большей части статистические и зависящие в своей действительности от иных факторов, нежели разделяемые представления. В частности, исследования Мишеля Фуко ясно показали, что подчинение — это нечто такое, что должно постоянно производиться, что дисциплинарная работа над человеческим телом в этом отношении так же важна, как и разделяемые ментальные репрезентации. Скажем, техники тейлоризма, замещающие подвижные телесные навыки механистическими рутинами, являются средством увеличения силы тела в экономических терминах его полезности и одновременно ее уменьшения с точки зрения политического подчинения. Кроме того, эволюцию самого тейлоризма нельзя описать исключительно как процесс развития определенного дискурса эффективности. Она включает большое разнообразие недискурсивных практик, характеризующих, как показал

Фуко, взаимодействия между больницами, тюрьмами, школами, заводами и казармами в XVII–XVIII веках¹¹.

Необходимость рассматривать сложные институциональные среды, заполняющие городские центры, чтобы объяснить воспроизводство подчинения, приводит меня к следующему уровню — масштабу институциональных организаций. На этом уровне становятся очевидными опасности эссенциалистского мышления, когда мы говорим о таких абстрактных сущностях, как «государство» или «рынок». Вместо этого акцент должен быть сделан на конкретных исторических процессах, приведших к образованию отдельных управленческих и экономических институтов, равно как и на взаимодействии между ними. Здесь важным ресурсом оказывается работа историка Фернана Броделя и его многочисленных последователей. Например, Бродель описал одну из ветвей эволюции западных экономических институтов, начавшуюся с рынков, имевшихся почти в каждом средневековом городе, то есть с конкретных мест, где еженедельно собирались люди для обмена скромными продуктами своего труда. Когда несколько подобных городских рынков становятся связанными на регулярной основе, возникает более крупное институциональное образование — региональный рынок. И местный, и региональный рынки возникли благодаря процессу, соединившему в себе стихийные взаимодействия между индивидами и специфические формы вмешательства со стороны управленческих институтов, часть которых обеспечивала защиту и безопасность, часть — постоянство мер и весов. Позднее, в Англии XVIII века, возникает еще более обширный институт — первый национальный рынок, предполагавший более прямое управленческое вмешательство, например отмену пошлин и тарифов, а также содействие строительству дорог и каналов. В XIX веке железные дороги позволили таким странам, как Франция и США, создать собственные национальные рынки и догнать Англию. И наконец, в последние несколько десятилетий XX века мы стали свидетелями образования нескольких международных рынков — процесса, также включающего в себя сложные взаимодействия между отдельными институциональными организациями¹².

11. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.

12. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. М.: Прогресс, 1988; Т. 3. Время мира. М.: Прогресс, 1992.

На следующем уровне, уровне городских центров, последователи Броделя указывали на важнейшую роль, которую играли города разных типов в западной и незападной истории. В их исследованиях проводится различие между ролью региональных столиц, часто располагавшихся в глубине суши, и ролью приморских городов. Сухопутный город, выполняющий функции политической столицы данного региона, может поддерживать известное единообразие собственной культуры и иерархии подчиненных ему небольших городов. В качестве примера можно упомянуть Париж, Вену и Мадрид — три удаленные от моря столицы, сумевшие со временем создать более или менее однородную культуру, которая позднее была экспортирована в небольшие провинциальные города. В то же время город может служить воротами для чужих культур — как в случае многих морских центров прошлого, таких как Венеция, Лиссабон или Амстердам. В результате формируются не иерархии, а сети подобных городов, обеспечивающие вход и распространение разнородных материалов, повышающих их разнообразие и разнообразие тесно контактирующих с ними городов¹³. Очевидно, что здесь важно не впустить эссенциалистское или типологическое мышление с черного хода, принимая эти два типа городов как данность. Напротив, необходимо подчеркнуть контингентность исторических факторов, приведших к формированию данного различия. Одним из таких факторов была разница в скорости между наземным и морским транспортом, которая приводила к двум разным городским структурам. Относительная медлительность наземного транспорта благоприятствовала иерархиям городов, находившихся на определенных расстояниях друг от друга, в то время как быстрота морских перевозок означала, что портовые города находились в гораздо более тесном контакте друг с другом, чем с городами, расположенными на их собственных сухопутных задворках. Когда железные дороги аннулировали эту разницу в скорости, было в основном устранено и различие указанных городских структур, что привело к появлению сухопутных «портов», таких как Чикаго.

Как я уже отметил выше, одним из преимуществ плоской онтологии индивидуальных сущих является то, что все различные социальные акторы, индивиды, институты, города и т. д. могут рассматриваться как сосуществующие в одном онтологическом плане и тем самым способные взаимодействовать друг с другом

13. *Hohenberg P. M., Lees L. H. The Making of Urban Europe, 1000–1950. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985.*

несмотря на то, что каждый из них подчинен собственному историческому ритму. Более того, это сосуществование сущих, развивающихся с разной скоростью, можно распространить и на другие социальные образования, не упомянутые мной в данном представлении социальной онтологии: местные диалекты и глобальные стандартизированные языки; различные технологические артефакты, такие как часовые механизмы, двигатели и сети; устойчивые ритуалы и мимолетные прихоти. Понимание истории как состоящей из множества темпоральных потоков может уменьшить склонность к простым периодизациям, равно как и привычку видеть в вычленяемых периодах телеологическую последовательность эпох. Например, мы можем признавать важность парового двигателя в начале XIX века или компьютерных сетей в конце XX века, не поддаваясь соблазну говорить об «индустриальной эпохе» или «информационной эре». Вместо этого необходимо выяснить, каким образом двигатели, компьютеры и другие технологии появились в мире, уже заселенном множеством более ранних артефактов, и каким образом вместо полного замещения новые технологии присоединились к уже существующей сложной смеси, изменяя и изменяясь во взаимодействии с этими артефактами.

Отказ от представления об истории как последовательности сменяющих друг друга эпох поможет нам понять, что социальные исторические процессы никогда не были четко отделены от своих природных реалий, но всегда сосуществовали с ними. Когда между 1000 и 1300 годом Европа проходила свой первый период стремительной урбанизации, ее территорию покрывали густые леса. Эта комплексная экосистема была по большей части разрушена, чтобы освободить место для вырастающих как грибы новых городов, но она не исчезла полностью. Каждый город стал экосистемой, в которой сложные пищевые цепи были искусственно упрощены и значительно укорочены, не говоря уже об их замыкании на один вид — человека. Однако такое упрощение должно было постоянно поддерживаться борьбой с сорняками на полях (сорняки — это не что иное, как растительные виды, стремящиеся заново запустить процесс экологической сукцессии), а также ростом населения в городах. В периоды уменьшения численности населения исключенные из экосистемы растения и животные возвращались.

Более того, отнюдь не оставляя ранние виды позади в качестве предшествующих стадий эволюции, мы всегда самым тесным образом сосуществовали с ними. Лучшим примером здесь являются микроорганизмы, вызывающие инфекционные заболевания.

Средневековые города предоставляли убежище не только сложному комплексу людей и одомашненных ими животных и растений, но и мириадам микроорганизмов, находившихся вне человеческого контроля. Фактически, как отмечают некоторые историки, города превратились в эпидемиологические лаборатории, в которых специфически городские болезни, такие как корь и оспа, могли развиваться и приобретать новые формы¹⁴. И хотя появление антибиотиков во время Второй мировой войны казалось триумфальной победой человечества над этими постоянно меняющимися микропопуляциями, сегодня мы понимаем: единственное, чего мы добились, — это появление все новых устойчивых к антибиотикам штаммов микроорганизмов, и у нас нет иного выбора, кроме как продолжать сосуществовать с этими представителями ранней «биотехнологии».

В заключение мне хотелось бы отметить, что более сложная картина человеческой истории, возникающая из этой онтологии, требует более широкого междисциплинарного взаимодействия на всех уровнях. 1990-е годы ознаменовались созданием многочисленных междисциплинарных центров. Это отчасти стимулировалось успехами математического и компьютерного моделирования, что, как представлялось, является показателем общности интересов до сих пор не взаимодействовавших научных полей. Но это недавняя волна сотрудничества антропологов и эволюционных биологов, экономистов и математиков с физиками может быстро сойти на нет. Принятие плоской онтологии индивидуальных сущих с ее упором на материальный и социальный процесс, а также факта сосуществования материальных и социальных продуктов, возможно, однажды поможет преобразовать эти междисциплинарные усилия из временной интеллектуальной моды в устойчивую научную традицию.

Библиография

- Duncan M. A., Rouvray D. H. Microclusters// Scientific American. 1989. Vol. 261. № 6. P. 110–115.
- Fox R. F. Energy and the Evolution of Life. N.Y.: W.H. Freeman, 1988.
- Ghiselin M. T. Metaphysics and the Origin of Species. Albany: State University of New York Press, 1997.
- Hohenberg P. M., Lees L. H. The Making of Urban Europe, 1000–1950. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985.
- Hull D. L. Science as a Process. Chicago: University of Chicago Press, 1988.

14. McNeill W. H. Plagues and Peoples. Garden City, NY: Anchor Press, 1976.

- Knudsen C. Modelling Rationality, Institutions and Processes in Economic Theory // Rationality, Institutions and Economic Methodology / U. Mäki, B. Gustafsson, C. Knudsen (eds). L.: Routledge, 1993. P. 265–299.
- Mäki U. Economics With Institutions: Agenda for Methodological Enquiry // Rationality, Institutions and Economic Methodology / U. Mäki, B. Gustafsson, C. Knudsen (eds). L.: Routledge, 1993. P. 3–42.
- McNeill W. H. Plagues and Peoples. Garden City, NY: Anchor Press, 1976.
- Smith C. S. Structure, Substructure, and Superstructure. In a Search for Structure. Cambridge, MA: MIT Press, 1982.
- Sober E. The Nature of Selection. Cambridge, MA: MIT Press, 1987.
- Vanberg V. J. Rules and Choice in Economics. L.: Routledge, 1994.
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. М.: Прогресс, 1988.
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М.: Прогресс, 1992.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.

MANUEL DELANDA. Professor, Gilles Deleuze Chair of Contemporary Philosophy and Science, manuel666@verizon.net.

Division of Philosophy, Art & Critical Thought, The European Graduate School (EGS), 20 Alter Kehr, CH-3953 Leuk-Stadt, Switzerland.

Keywords: individual; individual entity; contingency; flat ontology; nested set; population; bottom-up model.

This article offers a sketch of the materialistic approach towards an ontology of the social sciences. The author formulates the aims of the philosophy of science with regard to the social sciences. These aims include making clear the types of ontological commitments of a particular theory of society. This task presupposes the productive application of developments of other disciplines, and the avoidance of reductionism. The author moves on to excluding those types of entities that are irrelevant here, and these are all transcendent entities. The author describes the metamorphosis of the notion of species and the notion of individuals using the examples of the theory of evolution, population genetics, and condensed matter physics. The author shows how biological species lost its essence as a unitary seamless and uniting core, acquired a trajectory of historical individuation, and became a contingent and historically concrete population.

In order to shed outdated connotations of the notion of “individual,” the author introduces the term “individual entity.” The new social ontology (or flat ontology) is comprised of anti-essentialism, of the theory of part and whole, and of historical individuation. Singular entities differ from each other in space and time scale, but not in their ontological statuses. Hierarchical oppositions (micro and macro levels, agency and structure, phenomenological lifeworld and social system) are replaced by nested sets of individual entities that are exemplified by the formation of cities. This ontology is founded on a bottom-up model: it discusses populations of heterogenous entities of different lower levels, but not a totality, as would be done in a top-down model. The unity of an ontological plane allows us to trace the interaction of historical rhythms, which relates to the problematization of the notions of epoch and periodization.

DOI: 10.22394/0869-5377-2017-3-35-54

References

- Braudel F. *Material'naia tsivilizatsiia, ekonomika i kapitalizm, XV-XVIII vv. T. 2. Igry obmena* [Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XV-XVIII siècle. Tome 2: Les jeux de l'échange], Moscow, Progress, 1988.
- Braudel F. *Material'naia tsivilizatsiia, ekonomika i kapitalizm, XV-XVIII vv. T. 3. Vremia mira* [Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XV-XVIII siècle. Tome 3: Le temps du monde], Moscow, Progress, 1992.
- Duncan M. A., Rouvray D. H. Microclusters. *Scientific American*, 1989, vol. 261, no. 6, pp. 110–115.
- Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tiur'my* [Surveiller et punir. Naissance de la prison], Moscow, Ad Marginem, 1999.
- Fox R. F. *Energy and the Evolution of Life*, New York, W.H. Freeman, 1988.
- Ghiselin M. T. *Metaphysics and the Origin of Species*, Albany, State University of New York Press, 1997.

- Hohenberg P. M., Lees L. H. *The Making of Urban Europe, 1000–1950*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1985.
- Hull D. L. *Science as a Process*, Chicago, University of Chicago Press, 1988.
- Knudsen C. Modelling Rationality, Institutions and Processes in Economic Theory. *Rationality, Institutions and Economic Methodology* (eds U. Mäki, B. Gustafsson, C. Knudsen), London, Routledge, 1993, pp. 265–299.
- Mäki U. Economics With Institutions: Agenda for Methodological Enquiry. *Rationality, Institutions and Economic Methodology* (eds U. Mäki, B. Gustafsson, C. Knudsen), London, Routledge, 1993, pp. 3–42.
- McNeill W. H. *Plagues and Peoples*, Garden City, NY, Anchor Press, 1976.
- Smith C. S. *Structure, Substructure, and Superstructure. In a Search for Structure*, Cambridge, MA, MIT Press, 1982.
- Sober E. *The Nature of Selection*, Cambridge, MA, MIT Press, 1987.
- Vanberg V. J. *Rules and Choice in Economics*, London, Routledge, 1994.